

Там,
где я
живу

Елизавета
Чихунова

Елизавета Чихунова

Там, где я живу

«Издательские решения»

Чихунова Е.

Там, где я живу / Е. Чихунова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857509-9

Мой сборник рассказов — зеркало души многих людей. Стараясь реализовать свои мечты и цели, поделиться самым сокровенным или просто поведать забавную историю, главные герои будут чем-то напоминать вам самого себя. Любовь к жизни, проблема выбора или отчаяние. Если бы кто-то совершенно незнакомый прочел эту книгу, то я бы с полной уверенностью ему сказала, что он меня знает даже лучше, чем я сама.

ISBN 978-5-44-857509-9

© Чихунова Е.
© Издательские решения

Содержание

Улица Садовая	6
Прерванные связи	8
На пределе	9
Японский сад	10
Одинокая библиотекаря	11
Что это у тебя на юбке?	12
Мон Герлен	13
Куплю доверие	15
Пломбир	16
Богиня выходного дня	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Там, где я живу

Елизавета Чихунова

Иллюстратор Kendyll Hillegas

Иллюстратор Monsieur Qui

Иллюстратор Мария Шестакова

Иллюстратор Maia Adams

Иллюстратор Florian Nicole

Иллюстратор Minh Dam

Иллюстратор Silvia Pelissero

© Елизавета Чихунова, 2017

© Мария Шестакова, иллюстрации, 2017

© Maia Adams, иллюстрации, 2017

© Florian Nicole, иллюстрации, 2017

© Minh Dam, иллюстрации, 2017

© Silvia Pelissero, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-7509-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улица Садовая

Жила бы я в другом месте, не случилось бы в моей жизни того, что происходило на этой, поистине волшебной улице, носящей такое тёплое и уютное название – Садовая. Это ближнее Подмосковье, до одного столичного аэропорта как рукой подать. Авиалайнеры буквально садятся на дачных участках. Так низко парят, что хочется присесть на корточки и накрыть голову руками. Кажется, что ещё чуть-чуть – и массивные шасси заденут тебя.

Жизнь в пригороде хороша со всех сторон, только жаль, что моё обитание на Садовой ограничивается лишь летним периодом, в остальное же время приходится жить в Москве, недалеко от станции метро «Сокол».

Величественные здания 50-х годов, эта монументальность и педантичность меня восхищала с самого детства, поэтому, наверное, я и стала искусствоведем. Вот и моя родная Садовая служит своеобразным убежищем от вездесущей Москвы, от которой я очень быстро устаю. Как же приятно оказаться в гамаке под раскидистой черёмухой, подальше от всех сует.

Так было и в то воскресное утро. Проснувшись от первых лучей солнца, я, накинув на плечи халат, вышла на улицу, упала в гамак и слушала аромат цветения черёмухи и сирени. Эту чуткость прервал говор, больше похожий на собачий лай. Какой-то странный язык, не русский и не английский, это точно. Пытаясь хоть как-то распознать источник и язык, я, привстав с гамака, задела ногой верёвку и шлёпнулась оземь. Дальше всё было как в тумане: собачий лай стал неразделим с человеческой речью, черёмуха вот-вот завалится на меня, нога болит не по-людски, от пьянящего аромата цветений уже становится дурно, и как же захотелось спать. Просто спать. Прямо здесь на траве, под гамаком. Спать.

Я пришла в себя, оттого что вдруг стало резко холодно и мокро. Открываю глаза и вижу соседку, толстую, неряшливую тётку, которая шлёпает меня по лицу мокрой тряпкой и грозит вызвать полицию, если я сию секунду не поднимусь. Пришлось встать. Меня не радовала перспектива оказаться в участке, но встать я не могла. Нога как бы тянула меня вниз. Соседки и след простыл, когда я только открыла глаза, но как же теперь попасть в дом? Ползком? На четвереньках?

Пока я пыталась сдвинуться с места, вновь послышались голоса с примесью собачьего лая. И тут я увидела компанию молодых людей: трое парней и две девушки. Они прилично выглядели и говорили на немецком. Вот что напомнило мне собачий лай! Почему же я сразу не признала этот практически родной для меня язык, который я изучала еще в школе?

Я попыталась позвать их, но они так громко и заливисто смеялись, что мои возгласы просто не были для них слышны. Но так как сидение на траве мне порядком надоело, то я нашла в траве неспелое яблоко, что упало после грозы с дерева и – барабанная дробь! – кинула в весёлую компанию.

Попала akurat в голову высокому немцу. Бедный, видимо, не только мне одной должно было сегодня «повезти». Конечно же, они сразу обратили на меня внимание. Я попыталась им объяснить, почему пришлось пойти на столь радикальные меры. Они – ребята с юмором: посмеялись, подняли меня и отнесли в дом.

Разговорившись, я узнала, что они приехали в Москву всего на два дня, на симпозиум по информационным технологиям. Немцы оказались программистами, живут рядом с аэропортом, а сюда попали случайно, утром прогуливались по окрестностям и набрали на мою улицу. Своих спасителей я попыталась накормить, но они вежливо отказались, объяснив это тем, что боятся отравиться русской едой. Мол, их русский коллега рассказал им, что, если не запивать в России еду водкой, сляжешь с отравлением как минимум на пару недель.

Эти немцы такие забавные, но одновременно и очень серьёзные. Так интересно за ними наблюдать, да и вообще за людьми. Раньше за собой никогда такого не замечала. Я могла наблю-

дать и восхищаться архитектурой, живописью, но никак не людьми. Кажется, что с приходом в твою жизнь новых людей и ты становишься чуточку лучше, как будто в тебе открывается что-то новое, о чём ты сам даже никогда и не догадывался.

Время пролетело так быстро, что мы даже и не заметили, как начало темнеть. Мы пили чай и слушали рассказы друг друга о жизни в двух таких разных странах. Мне даже захотелось посетить родину Гёте и Манна, так увлекательно звучали рассказы моих новых знакомых. Никогда бы не подумала, что смогу сблизиться за столь короткое время с незнакомыми людьми, тем более иностранцами. Они так просты в общении, словно стёрт языковой и этнический барьер между нами. Мне определённо стоит многому у них поучиться, у моих немецких друзей, прощаться на неизвестное количество времени с которыми было нелегко.

Ты никогда не знаешь, какие знакомства ждут тебя завтра, но, поверь, если ты встретишь на своём пути особенного человека, знай – это неслучайно. Наш мир слишком закономерен, чтобы разбрасывать случайности под ноги каждому.

Прерванные связи

Если бы все знали друг о друге абсолютно всё, то жизнь не была бы такой яркой и, возможно, сложной.

Мы не принимаем происходящее, как бы отмахиваемся от него. До последнего не верим в случившееся.

Заливаем всё приторным кофе. Теряемся в толпе. Внутренняя пустота откликается болью внутри. Прикрыв голову руками, сжавшись в крохотный комок, сидишь на полу под горячим душем и успокаиваешься. Просто успокаиваешься. Вода тут как прикосновение мамы.

Новая жизнь или её иллюзия. Мнимое начало с тягой вернуть всё на круги своя.

Я хочу сделать глубокий вдох, но не могу. Я хочу сказать правду, но не хватает воздуха. Много дел, неотложных, которые можно и нужно делать первостепенно, но не отпускает смятение.

Только тёплые воспоминания, тактильная память, дающие стимул и мотивацию. Человек, который ушёл, оставил наедине с тем ураганом внутри. Он не предатель. Ты не хочешь, чтобы он был предателем.

Веришь только своим думам и снам, а других не слышишь, надеясь, что они ошибаются.

Бережёшь внутренний мир, хранишь то мгновение в тишине. Утешаешь себя ягодным беже и много думаешь, прислушиваясь к бешеному биению сердца.

На пределе

Моя свеча догорает. От холодного толстого стекла её отделяет тонкий слой ароматного воска, медленно плавящегося от градуса тепла.

Вокруг – вода. Горячая и обволакивающая, как тусклое пламя свечи.

В глубине дома играет музыка – у кого-то веселье, беспробудное и такое приторное, ненастоящее. Оно пьянящее и захватывающее целиком и полностью. Оно ищет слабого, уставшего человека, который неосторожно попадёт в ловушку.

Он будет кутить дни и ночи. Праздник станет его смыслом жизни и стимулом для движения вперёд. Человек будет делать всё возможное и невозможное, чтобы этот кутёж никогда не заканчивался.

А потом он резко придёт в чувства и поймёт, что он на пределе. Что ещё немного – и он потеряет что-то дорогое, по-настоящему ценное и вечное.

Мучает совесть. Жаль время, безвозвратно ушедшее вместе с доверием. Уж очень часто мутная стоячая вода кажется нам шоколадом.

Японский сад

Изящные морские линии и бирюзовая гладь. Спокойное море, на берегу которого японский сад.

Когда-то он цвёл. Нежные лепестки кружились в воздухе и плавали в солёной воде. Прогуливаясь по аллеям сада, можно было наткнуться на антикварные вазы с изображением львов, гор и редких деревьев. Откуда берутся полубитые вазы в саду – непонятно.

Сейчас осень. Костлявые деревья и потрескавшиеся декоративные мостики. Беседки, опустевшие с приходом холодов, привлекают всё меньше и меньше.

Не многим знаком японский сад в центре города. Его невозможно увидеть с улицы. Только пройдя сквозь бесконечные дворы исторического центра, можно оказаться в этом волшебном месте на самом берегу моря.

Японскому саду больше ста лет. Возраст солиден, и люди его берегут, ухаживают за ним. Его посещают особые гости: культурные городские жители, иностранцы и дипломаты.

Редкие мероприятия, например творческие вечера, проходят именно там. Сад словно оживает от духа богемной публики, устраивающей модные показы и литературные чтения под открытым небом.

Всем сердцем любят японский сад творческие натуры. Чем-то притягателен для них сад с эксклюзивными элементами ландшафта и экстерьера.

Сад действительно вдохновляет. Он пропитан атмосферой начала прошлого века. Стоит только прикрыть глаза, как перед тобой предстают светские дамы с зонтиками, слышен гул прибывающих кораблей и звучат романсы белых офицеров под гитару.

Белёные колонны, беседки на японский манер, ручей и бамбуковый заборчик. Детали, редкость которых не оставляет равнодушным прохожего. Лёгкий налёт старины придаёт саду свой неповторимый характер.

История красит японский сад. Благодаря ей он выделяется на фоне многочисленных скверов и парков. Его уникальность обязана времени и людям, чтившим историю родины.

Одинокая библиотекарша

Кирпичный дом в историческом центре Владивостока, постройки конца XIX века. Дом, обдуваемый тёплым солёным ветром, живущий вне времени, впитывающий душу его бесконечных владельцев.

В самом начале его пути в нём жила великосветская семья. Белый офицер, мичман Покровский, его жена и красавицы дочери, чьи наряды производили неизгладимое впечатление на различных приёмах. Но с первой волной русской эмиграции сменились и постояльцы. Кирпичный, но такой живой и душевный дом стал коммунальной квартирой. Это, пожалуй, самый неприятный период в его истории.

Потом, уже после расселения коммуналки, дом стал принадлежать государству. В него селили послов, чиновников и даже агентов спецслужб, которые, кстати, сменялись чаще постояльцев коммунальной квартиры. Бесчисленные жильцы, хаотичность бытия и нестабильность разрушали дом.

В конце концов, многострадальный дом признали аварийным, и несколько лет он стоял пустым, ветра его не щадили. Люди обходили стороной потерявший свой былой шарм старый кирпичный дом.

Но однажды на его пороге возник женский силуэт в таком лёгком для холодного октября пальто. Это была его спасительница, Александра Григорьевна, одинокая библиотекарша. Александра Григорьевна выглядела гораздо старше своих лет, но её старую мудрую душу это даже красило, и была под стать своему новому дому.

Её мечтой был этот кирпичный дом в центре родного города. С самого детства она жила со своей бабушкой в типовом блочном доме и только сейчас, будучи уже состоявшимся взрослым человеком, она воплотила свою мечту в реальность: купила на полученное наследство дом в центре Города семи ветров

Она очень долго выхаживала свой дом, поистине родной дом, что жил в её сердце все эти годы. Каждый его сантиметр она любила, лечила и жалела. Кирпичный дом отвечал ей взаимностью, он преображался на глазах, обретая ранее потерянные уют и тепло.

Александру Григорьевну все отчего-то, жалели. Жалели за её женскую несостоятельность, одиночество и просто так. Ей же претила эта постоянная жалость со стороны подруг, соседей, и она решительно оборвала все связи, уволилась из банка и ушла работать в библиотеку.

Книги всегда занимали особое место в её сердце, Александра Григорьевна ими жила, и даже пахло от неё не парфюмом, а книжной бумагой. Её домашняя библиотека вызывала неподдельный восторг, столько ценных экземпляров!

Однако даже любимые книги отошли на второй план, с появлением в её жизни старого дома. Александра Григорьевна изменила его до неузнаваемости: покрасила стены, расставила на подоконниках горшки с цветами и повесила на стены акварельные средиземноморские пейзажи.

Временной барьер с появлением кирпичного дома в жизни Александры Григорьевны как бы стёрся. Она пребывала в лёгкой эйфории, ощущала «бабочек в животе», когда начинала думать о своём доме.

Особенно приятны эти думы в пасмурный, дождливый день, коих во Владивостоке немало. Она могла стоять у окна с чашкой горячего чая с чабрецом и вдыхать, ощущать свой дом.

Люди, что попадали в её дом, менялись на глазах: из уставших и унылых они превращались в умиротворённых и довольных жизнью людей. Что-то гипнотическое было в кирпичном доме и самой Александре Григорьевне.

Что это у тебя на юбке?

Настойчивый будильник и покалывающий холод. Мне пора вставать. Ещё один день в мою копилку бесполезно проведённых часов в плену собственных амбиций и ненужных людей.

День начался с выбора одежды. Это мой любимый ритуал перед школой. Люблю красиво одеваться, красиво выглядеть назло себе и другим. Чувствую уверенность в себе и надеюсь на удачное стечение обстоятельств.

В голове – джунгли, а у входа в лицей встречаются глаза-убийцы. Кажется, что ещё чуть-чуть – и они съедят меня вместе с одеждой и кожным рюкзаком, боже, ведь так и до несварения недалеко.

Всё, пройдя все витиеватые коридоры, бесконечные арки и лестницы, я оказываюсь у двери своего класса. Как же страшно, хоть разворачивайся и уходи подальше отсюда, в парк, в кофейню, в больницу, куда угодно, но только не сюда.

Открываю дверь, и передо мной картина маслом: пусто! В классе никого нет, стулья подняты, доска сияет. Когда здесь пусто и если исключить уроки математики, то очень даже ничего.

Ожидание утомляет. С одной стороны, я люблю приходить в класс пораньше: неспешно разложить школьные принадлежности, поговорить с соседкой по парте, которая больше напоминает сомнамбулу, чем девушку в цвету. Но с другой, более правдивой, стороны, можно нарваться на конфуз или в крайнем случае конфликт.

Класс наполняется с каждой минутой, становится некомфортно и тесно. Как же трудно дышать! Занятия делают пребывание здесь просто невыносимым. Хочется сделать глоток свежего воздуха.

Звонок? Ещё минус один школьный день? Серьёзно? Я не верю своему собственному счастью. Ах, да, сегодня же только вторник. Но это уже лучше, чем понедельник или...

Что-то очень больно ударило меня по голове. Это что, тряпка? Вообще, я неконфликтный человек, но то, что произошло сейчас, перешло любые границы. Мне просто хочется уйти, но если я сделаю это, то нападки не прекратятся.

Я встаю из-за парты, направляюсь к обидчику и слышу громкий смех и возгласы: «Что это у тебя на юбке?!» Оборачиваюсь и вижу алое пятно на белоснежной юбке. Мою секундную протрацию прервал очередной удар тряпкой – передо мной стоит самый высокий и крупный одноклассник, отличающийся бестактностью и грубостью. Он кричит на меня благим матом.

В горле появляется комок, перед глазами пелена. Я убегаю, совершенно не оглядываясь. Только ненависть и страх. Была бы я чуть выше и сильнее, то отомстила бы за всё.

На выходе стоит машина, моё спасение. Не хочется говорить родителям об этом. И самой не хочется осознавать происходящее.

Хочу домой.

Весь вечер я провела над учебниками, завтрашний поход в школу никто не отменял. А так хочется подольше поспать, неспешно позавтракать.

Может, сказать родителям, что у меня болит горло? Это, кстати, беспроигрышный вариант, потому что за месяц, я так делала уже несколько раз. Повторить?

Вынашивая абсурдные планы спасения, я готовлюсь ко сну. Быть может, новый день расставит всё на свои места? Надеюсь.

Сон сняло чьей-то рукой. За окном светло: коралловый рассвет на фоне серого невзрачного неба. Нетрудно догадаться, что уже начало девятого. Я проспала? Или я впала в летаргию и очнулась воскресным утром?

Но только что кто-то очень тихо сказал, что я туда больше не вернусь. Ни-ког-да.

Мон Герлен

«Отчётливо слышны ноты марокканской мяты и цветка апельсина, обратите внимание на базу – это бергамот. Интересно звучит, правда?» – чуть слышно говорила девушка-консультант в парфюмерном магазине.

Почему она решила, что если я интересуюсь этим ароматом, то неизбежно его куплю? Нет, конечно, парфюм великолепен, но я пока что финансово не потяну флакончик в тридцать миллилитров за несколько десятков тысяч. Ведь аромат не хуже этого я могу сотворить сам, и ведь никто не догадается.

Дело в том, что я – парфюмер. Точнее, парфюмер – самоучка. Прекрасные ароматы меня всегда притягивали к себе. Я живу в мире запахов и умею с ними обращаться. Это и есть кредо настоящего парфюмера.

Работать парфюмером где-либо официально мне не приходилось, кроме специальности. Парфюмером я являюсь вне рабочего времени. А так, с 9:00 до 18:00 я – инженер на авиастроительном предприятии.

О моем втором, даже нет, первом и главном занятии в жизни знают лишь в семье и несколько близких друзей. На авиапредприятии о парфюмерном искусстве и моей принадлежности к нему не знают. Возможно, потому что серьёзным людям увлекаться чем попало – неприлично или просто глупо.

Но живу я мечтой: уехать в Париж и работать в центре Герлен на Елисейских Полях. Для этого мне необходимы безупречные знания в этой области, полет души и сердца. До осуществления этой мечты осталось совсем немного: мне нужно правильно объяснить всё родственникам, которые далеко не разделяют моё увлечение, переросшее в нечто большее.

Моя семья не никогда поддерживала моё стремление стать парфюмером. Для них я должен быть как минимум инженером, а как максимум государственным служащим. На меня возлагали большие надежды, но в случае провала меня следовало женить.

Да-да, против моей же воли. Дело в том, что мои родственники всегда отстаивали семейные ценности и традиции. Но мне это чуждо. Мне не нужен быт, жена-домохозяйка, мне, как воздух, необходим творческий полёт, которого и на работе маловато будет, но меня хотят лишиться этого и дома, заключив в кандалы традиций со словами: как у людей, как все, так надо.

И вот сейчас, возвращаясь с работы, я готовлюсь объявить за ужином свою главную новость, что я полностью готов к началу новой жизни, с чистого листа. Как же я хочу, чтобы меня поняли и поддержали.

Я переступил порог дома и заметил лишнюю верхнюю одежду и обувь. Гости? Как будто нарочно они оказались здесь сегодня, будто бы зная, что мне нужно сказать что-то очень важное.

Прохожу в комнату и вижу картину маслом: соседи. Большое семейство, имеющее много общего с моим. Во главе стола сидит румяная девушка с косой, нарядная. Типичная русская девушка сидит, опустив глаза в пол.

Внутри меня сразу что-то рухнуло, очевидно мечта и надежда, ведь я далеко не дурак, понимаю, что они не чай с конфитюром пришли сюда пить. Это сватовство, так сказать.

Усадили меня рядом с этой девушкой, даже девочкой. Что-то было в ней чистое и наивное. Она, видимо, тоже не совсем понимала, что происходит в этой, в одночасье ставшей тесной, комнате и чего от неё хотят.

Я решил не ждать первых попыток моих родственников посватать меня незнакомой девушке, а решил сказать то, что хотел сказать последние несколько лет.

«Сегодня особенный день, и я хотел бы поделиться своей новостью с вами. Готовы документы на выезд из страны, пришло подтверждение из дома Герлен, я еду в Париж».

Разом всё стихло, даже звуки с улицы затихли на мгновение. Родители переглянулись. Гости, сначала, покрутили пальцем у виска, а потом начали вставать из-за стола, вытягивая за руку румяную девушку, застывшую, смотрящую на меня со вселенской обидой в глазах.

Никогда ранее я не чувствовал себя так гадко, но и идти наперерез себе я не мог, женившись сейчас или позже. Не могу. Лучше я упаду и разочаруюсь в своём выборе, в своей парфюмерии, чем буду жить против себя, в постоянной неудовлетворённости.

Родители, проводив гостей, пригласили меня в гостиную. Я сел напротив них, смотрел им прямо в глаза, ведь мне нечего стыдиться, это есть я, со своими достоинствами и недостатками.

Мы долго молчали. Первым нарушить молчание решился я.

«Родители, отчего же вы так несчастны? Я не заболел и не умер. Я здесь, с вами. Скоро уеду, но ведь вы в любой момент можете приехать ко мне или я к вам. Разве вы не рады, что я достиг того, к чему стремился все эти годы».

Отец подошёл ко мне и пожал руку. Никогда ранее он этого не делал. Меня, безусловно, это очень удивило и тронуло. Это означало то, что он меня поддерживает. С его стороны это был очень важный шаг, он дал мне ещё больше сил и уверенности в себе.

Следующим утром я отбыл в Шереметьево. Отбыл с невероятным благоговением. Так и началась моя новая, парижская жизнь, о которой я вам расскажу как-нибудь на досуге.

Куплю доверие

Никто не привыкнет и не будет звать к завтраку каждое утро. Рядом просто никого не будет. Никогда. Потому что доверие никто не продаёт.

Спрашивай об этом у прохожих, ищи в справочниках и обзванивай всевозможные магазины – не найдёшь.

Утро или вечер. Пустая квартира, сухие щепки, в которые превращается человек без доверия и окружения. Нечестный, исчерпавший доверие людей, с которыми он когда-то жил на одной лестничной клетке, или родной сестры, с которой он нехорошо обошёлся в их последнюю встречу.

Живёт, вечно утешая себя сигаретой и сахаром в чае. Выглядывает в окно, поедая глазами других, счастливых людей, которым незнакомо одиночество и сахарный осадок в кружке, перемешанный с пеплом.

Спрашивает у прохожих о времени или неизвестном адресе. На самом же деле он знает всё лучше других: его часы верны, а карта города у него вместо сердца. Спрашивает, чтобы казаться «своим». Но хочет, чтобы именно у него спрашивали, чтобы хоть что-то он значил для других, этот одинокий самовлюблённый человек.

Засыпает под утро, рассматривая свои прозрачные руки, через которые видно вены. Синие, фиолетовые, но только не красные. Красный, розовый и даже, оранжевый. Для него эти цвета вымерли. Они ему чужды, потому что он холоден. Остыл и беспробудно погрузился внутрь себя.

Готовится с таким трепетом даже к приезду почтальона. Думает, что в этот раз к нему приедет тот молодой почтальон, у которого интересный взгляд и лёгкая речь. Хочет, чтобы тот стал его другом. Но нет. Сегодня и в следующий раз к нему приедет совсем другой почтальон. Скучный и пожилой, без блеска в глазах.

А как же он не любит рестораны! Он их просто ненавидит. Все эти люди, родные, друзья. Его раздражают их разговоры, потому что у него этого нет. Злится, хлопая дверью, а потом, ночью, тихо плачет в подушку, оттого что никого нет. Растерял он их.

Доверие не покупают.

Пломбир

Сегодня мне сказали, что лето закончилось. Но я не верю. В этом году тёплый сентябрь, его запросто можно перепутать с июлем или августом. Не верю, потому что на улицах до сих пор продают тающий от солнечных лучей пломбир.

Не оттого ли, что лето, обычно быстрое, на удивление продолжительное в этом году, так хорошо на душе?

Но если бы моё лето было бы бесконечным, то вряд ли мне бы хотелось постоянно есть пломбир, кататься на велосипеде по грунтовой дороге перед домом и спускаться к ручью.

Аромат лета не спутаешь ни с каким другим. Роса и многочисленные цветения. Если ты сорвёшь лист чёрной смородины и потрёшь его в руках, то почувствуешь этот нежный и тонкий аромат. Незабываемо.

Летом всё становится разнообразнее, даже воскресная выпечка. Она наполняется свежими ягодами, терпкими садовыми сливами. Её вкус меняется. Если в холодное время года она – сливочная, с преобладанием согревающей корицы, то летом она невероятно лёгкая, с фруктовым или ягодным оттенком.

Путешествия летом. Такие особенные. Необязательно отправляться куда-то далеко, в излюбленные туристами со всего мира места. Можно сесть в машину с друзьями, собакой и отправиться к морю, переночевать в палатке и промокнуть под тёплым летним дождём.

Пасмурным было оно в прошлом году. Нет ничего скучнее, чем унылый серый июнь: клубника не спеет и даже не цветёт, улицы полупустые и холод, который запросто можно спутать с осенним.

Непохожее на прошлое, текущее лето запоминается каким-то днём, событием, с которым оно будет потом ассоциироваться. Останется в памяти, на фотографиях или маленьким шрамом на теле.

Богиня выходного дня

Деревянные оконные створки, скрипящие от любого дуновения с моря, и стук каблучков по крыльцу. Утро прекрасно, и его ничто не омрачит.

Серое небо, сквозь которое просачиваются солнечные лучи. Ещё чуть-чуть – и они пробьются сквозь тяжёлую пелену, нависшую над городом. Они озарят дремлющий восток и отправятся дальше по миру.

Мой день начинается с капли парфюма на запястье и терпкого чая, который можно взять с собой прямо в ванную.

Вода сегодня особенная. Вообще, она никогда не бывает одинаковой, всегда чем-то отличается.

В предвкушении насыщенного дня я заканчиваю сборы и выхожу на улицу. Такой переменчивой погода никогда не была. С утра тепло, а к обеду начинается самый настоящий ураган – понадобится зонтик.

И действительно, природа никого сегодня не жалеет. Даже чаек и бакланов, которые кружат над морем, изводясь пронзительным криком. Чувствуют, наверное, что погода сегодня не в настроении.

Люди, вечно куда-то спешащие, тоже страдают от холодных порывов ветра. Он, словно заигрывая с ними, лихо теребит их одежду и волосы. Он как будто хочет поднять и унести их куда-то далеко.

Тороплюсь. Сегодня веду урок в одной из школ. Меня пригласили рассказать об архитектуре Владивостока конца XIX века. Как искусствовед, я не могла этого не сделать.

Суббота. Школа полупустая. Кто-то уже дома, а кто-то ещё учится в просторных аудиториях. Так уютно скрипят половицы в бесконечных коридорах. Кажется, что их не меняли с того момента, как построили школу. Незабываемые ощущения.

Поднимаюсь на последний этаж. Даже жалко наступать на свежевывмытые ступеньки. Думы о предстоящем уроке прерывает вкрадчивый женский голос: «Девушка, вы случайно не возле кондитерской фабрики живёте? Так пахнете волшебю».

Я обернулась и увидела невысокую женщину с необыкновенными глазами. Из них струился свет и добро, которым она готова окутать любого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.